

«Письмо сквозь время от сверстника из 1941-1945гг»

На дворе 9 мая 2019 года. Мой день начинается как всегда. Я проснулась пораньше в школу. Нет, мы сегодня не учимся. Сегодня праздник – День Победы. Наверное, все пройдет как всегда. Мы соберемся возле школы с цветами, пройдет «Бессмертный полк» с фотографиями бабушек и дедушек, погибших на войне, посмотрим концерт, организованный в честь праздника и разойдемся по домам. Честно: не понимаю, зачем все это. Было и было. Если это было действительно такое страшное время - не легче все быстрее забыть? Ладно, пошла собираться, до вечера, мой дневник...» -эти слова были самыми ужасными, в моем дневнике, как оказалось спустя всего несколько часов, после их написания.

Закончив писать, я собралась и ушла в школу. Да, действительно, все проходило как обычно, как я и думала. Когда я вернулась домой, мама и папа объявили мне о том, что мы едем помочь их друзьям с делами по дому, которым они уже не занимались около 3 лет после смерти их родителей.

Мы быстро собрались и поехали, путь был не такой далекий, надо было лишь проехать через лес, который находился возле нашего озера. Спустя полчаса мы были на месте. Нас встретили и объяснили, что делать каждому. Мне достался чердак дома. Нужно было спустить оттуда все вещи на первый этаж. Я, поняв, что должна делать, поспешила на чердак.

Поднявшись, я увидела прямо по центру огромное, запыленное, покрывшееся паутиной фортепиано. Оно сразу привлекло мое внимание. Когда-то в детстве я ходила в музыкальную школу, где немного научилась играть. Вокруг огромными кучами лежали какие-то серые мешки, в углу стоял маленький стол и два стула без одной ножки. Но меня больше интересовало именно это фортепиано. Я поспешила подойти и открыть его. Дотронулась пальцами до одной из клавиш, потом к другой, но музыкальный инструмент не звучал. «Наверное, сломан», - подумала я и уже немного расстроившись, увидела сбоку

какие-то бумаги. Я решила посмотреть, что на них написано. И вот что я прочла:

«Мой дорогой друг из будущего, пишу тебе я, Нина, пишу тебе, потому что больше не осталось того, кому могу написать. Мне 16 лет, а я уже осталась совсем одна. На дворе 14 ноября 1944 год. Я пишу тебе это письмо в надежде избавить себя от этого одиночества. Я не знаю, сколько лет мне осталось ждать конца этой войны. Доживу ли я до Победы, я тоже не знаю. Я так устала переносить смерти своих родных. Но больше мне не надо это переносить, потому что больше и нет никого.... Может, мой неизвестный друг, когда-нибудь, ты это прочтешь и представишь, что мне пришлось пережить. Я живу в пригороде Читы, далеко от фронта... Кажется, что и не нужно туда идти, на фронт. Живи, спи спокойно, в наш край «ссылки и каторги» не долетят снаряды.

Я до сих пор помню этот день - 22 июня. Этот день начинался у меня как всегда. Я помогала родителям по огороду, а вечером играла со своей сестрой и братом. Когда объявили, что началась война, моя мама и старшая сестра, почему-то плакали. А на то время мне было 13 лет и я вела себя спокойнее всех. Но сейчас, когда я осталась совсем одна, мне уже просто нечем плакать. Спустя 3 месяца от начала войны мой отец, как и многие забайкальцы, ушёл на войну. Мама оставила нас и уехала на вновь открывшийся Петровск-Забайкальский металлургический завод. Там нужны были рабочие руки, их не хватало, а нужно было поставлять металл. Ведь 50% всего драгоценного металла страны давал этот металлургический завод. Представляешь, мой друг, это же очень ответственно! А у нас в деревне остались только старики и дети. Практически всю технику у нас забрали на фронт. А ещё засуха... урожай собирать трудно, а нужен хлеб для фронта. Мы делали всё возможное. Работали так, что от бессилья не могли дойти до дома – спали прямо в поле. Эта боль в спине и руках, кажется, навсегда поселилась во мне.

В феврале 1943 года нашего брата забрали на фронт. Был создан забайкальский дивизион. Брат служил в 236-м Нерчинском стрелковом полку.

Он принимал участие в битве на Курской дуге. Я гордилась им, рассказывала девочкам. Засыпая, я молилась, чтобы папа и брат вернулись с войны. Не суждено... Мы получили похоронку – вначале на брата... Он погиб, закрыв собой снаряд. Он спас многих ценой собственной жизни... Я не находила себе места. Хотелось кричать, лечь и кричать, но я не могла напугать сестрёнку. Маме мы даже не сообщили, не было возможности. А теперь понимаю: хорошо, что она ничего не узнала. Через 2 месяца после похоронки приехал сосед из Петровска за продуктами. Позвал меня и дал мне платок, мамин платок. Я не могла ничего понять, пока не увидела капельки крови на платке. Сосед сказал, что мама попала под вагонетку. Они работали по 12 часов, она устала и когда катила вагонетку, упала, а следующая за ней – наехала...насмерть... мою маму... Моё тело просто стало деревянным. Я умерла живьём – так мне казалось. Мама, моя мама. Она же могла остаться здесь, в деревне, оставила дом, детей, освоила мужскую профессию. Ушла, ушла навсегда, даже не узнав, что сына её нет. Где было взять силы?

А по всей области начали расселять эвакуированных детей, уже 42 детских дома (вместо 8 на начало войны). И я решила взять ребёнка, чтобы хоть как-то забыться, кому-то помочь. Нам с сестрой дали мальчика семи лет- Колю. Худенький, с огромными глазами, он помогал по дому и молчал. На его глазах расстреляли маму. С этого времени он молчит. Он и ушёл, молча, вместе с моей сестрой. Глупо ушли. Собирали ягоду для раненых фронтовиков на болоте. Коля остушился, его стало затягивать, сестра кинулась помогать, ушли вместе, молча, вместе. Оставили меня одну, совсем одну... Теперь и я замолчала. Работала и молчала, ждала от папы письмо и молчала. А письмо не пришло, пришла похоронка. Не стало папы, никого не стало. Есть я...

Я пишу тебе, дорогой сверстник, и чувствую, что кому-то могу рассказать о том ужасе, какое мы переживаем. Знаешь, мне не хочется жить, я бы тоже, как Коля, молча, в болото. Но я понимаю, что нельзя. Не для этого я осталась одна. Нужно карабкаться и выживать. Я решила поехать в Петровск на завод, вместо мамы. Заколочу дом, может быть, вернусь. И вот пишу тебе, дорогой друг,

чтобы знал ты, что и в тылу мы боролись. Как могли, помогали. Забайкалье не осталось в стороне. Гордись нами, нас уже нет, но есть Вы. Живите, мечтайте, делайте нашу богатую землю ещё богаче. Так хочется взглянуть на мирное небо. Я завидую тебе, мой друг. Ты с мамой, с папой, а я сыграю мамину любимую песню, закрою крышку рояля и уйду... Прощай!»

Прочитав это, я не смогла сдержать слез. Я как будто бы почувствовала себя той самой девочкой, которая сидит возле фортепиано и пишет это письмо. Я подошла к окну и так боялась увидеть силуэт семилетнего Коли, провалившегося в болото, так боялась увидеть раздавленное вагонеткой тело женщины, оставивших дома детей...

Ничего этого не было. Вдали, возле озера, отдыхали семьи. Дети пускали воздушных змеев, стояла отличная погода, и доносился задорный смех соседских ребят, а вверху было небо, мирное небо.

«9 мая - важный праздник, потому что в этот день закончилась одна из самых страшных войн. В этот день мы должны чтить память тех, кто погибал за победу на поле боя, кто ковал победу в тылу. Мое отношение к этому дню полностью поменялось. Теперь это действительно праздник - со слезами на глазах!» - это были мои строчки в моем дневнике, уже вечером. Спасибо, тебе за письмо, сверстник из 44-го. Ты мне помог...

Саша Семёнова

